

Из-за расспросов, устроенных родней утром, Тао Цинъюй просидел в своей комнате до самого вечера.

Цинъя и Цинмяо, эти два беспечных сорванца, пристроились рядом и самозабвенно играли. Цинцзя же, прижимая к себе Сяо Хуана, не сводил с брата внимательного взгляда своих круглых глаз.

Цинъюй был занят подсчётами.

В семье Тао заправляли дедушка с бабушкой; родные всё ещё жили одним двором, не деля имущества. Почти всё, что три ветви рода зарабатывали на стороне, шло в общую казну, которой распоряжались старики. Лишь две доли из десяти позволялось оставлять себе на непредвиденные нужды.

Его отец был старшим сыном и отвечал за рыбный пруд, а в свободное время занимался пахотой. Третий дядя помогал ему, но к концу года, когда полевые работы заканчивались, нанимался на подёнщину, чтобы раздобыть немного монет на карманные расходы. Второй дядя постоянно трудился помощником повара в уездной таверне, но больших денег там не платили. К тому же, хоть он и жил в доме тестя, не тратясь на жильё, всё же приходилось покупать вино и угощения, чтобы выказать почтение родне жены.

Да и в семьях второго и третьего дяди подрастали четверо малышей, которые требовали немалых трат. В хозяйстве держали скотину и птицу, но почти все яйца уходили на питание детям, так что дом лишился важной для крестьян статьи дохода — продажи яиц. Благо, что Цинъя с братьями хоть и ходили в обносках, на здоровье особо не жаловались и болели редко.

Были ещё свиньи, но купили их поздно, так что за полгода они не успели нагулять жир. Несколько лянов, отданных за поросят, пока не могли ни вернуться в кошелёк серебром, ни попасть на стол сытным жарким.

Выходило, что, кроме зерна с полей и улова из пруда, иных доходов у семьи почти не было. В отличие от Дяди Сяо Цзиня, дядья не были обучены грамоте; всё заработанное уходило на пропитание, изредка — на мясо к празднику, а остальное — на лекарства для стариков. Скопить что-то сверх того не получалось.

Сейчас у самого Цинъюя в тайнике припрятано шесть лянов и две сотни монет. У Младшего папочки из личных сбережений, скорее всего, остались только те десять лянов, что юноша отдал ему недавно. Если второй и третий дядья наскребут по сусекам ещё десятку, то на весь дом выйдет лянов тридцать — и это будет пределом их возможностей.

До конца года из пруда можно вычерпать рыбу в последний раз, а после продавать будет нечего. Весной же придётся закупать мальков, а это снова траты...

Цинъюй в отчаянии легонько стукнулся лбом о край стола.

Каждый год одно и то же: сколько заработал, столько и потратил!

Как же так? В книжках пишут, что те, кто переродился в ином мире, быстро богатеют — стоит им только начать продавать какую-нибудь стряпню. Он же, местный уроженец, прожил здесь уже полтора десятка лет, прекрасно знает все закоулки, а перебивается с хлеба на воду!

Хозяин Сяо Юй внезапно вскинул голову и с досадой хлопнул левой ладонью по правой.

— Брат, ты чего? — Цинцзя, положив подбородок на макушку щенка, в недоумении склонил голову набок.

Цинъя и Цинмяо тут же подскочили к нему с двух сторон и крепко обхватили его руки, смешно надув щёки.

Цинъюй со вздохом произнёс:

— Я вот думаю, почему же я не мастер какого-нибудь дела?

Больше всего на свете он сейчас жалел, что в прошлой жизни не учился кулинарному искусству. В школе он ел в столовой, на работе — в столовой, и даже перед самой смертью питался в больничной столовой. Теперь же ему оставалось лишь смотреть, как другие сколачивают состояния благодаря своему мастерству.

— Брат, так ты и есть мастер! — возразил Цинцзя.

— Брат умеет рыбу продавать, — подхватил Цинъя.

— И потрошить её ловко умеет! — добавил Цинмяо.

Мальчик кивнул и закончил мысль:

— И побеги бамбука копать! Младший папочка с остальными за весь день не найдут столько, сколько ты.

Сердце Цинъюя болезненно сжалось.

«Какое же это мастерство...»

— Брат, ты только не надо... не надо воз... воз...

— Возничего? «Возомнить о себе лишнего» ты хотел сказать? — Цинъюй легонько щелкнул младшего по лбу. — Или «возноситься»? Нет, «возлагать на себя напраслину»? Правильно говорить: «не стоит себя принижать», глупыш.

— Да! Точно!

Юноша приложил руку к сердцу:

— Ладно, убедили. Буду считать себя великим мастером.

Он облокотился на стол и задумчиво оглядел троих малышей. Внезапно он спросил:

— Хотите учиться грамоте?

Цинцзя замер. Затем он отвел взгляд и едва заметно качнул головой.

Цинъюй повернулся к Цинмяо:

— А ты? Хочешь в школу?

Цинмяо капризно выпятил губу:

— Там скучно, играть не дают.

— Ах ты, паршивец! Твой брат Цинцзя хочет, да возможности нет, — прикрикнул Цинъюй.

— И вовсе я не хочу! — неожиданно громко выкрикнул Цинцзя.

Старший брат впился взглядом в его расширившиеся глаза:

— Детям врать не след. Спрашиваю в последний раз: хочешь учиться?

Кончик носа у мальчика медленно покраснел, а в уголках глаз заблестели слёзы. Он упрямо смотрел на Цинъюя, не проронив ни слова.

Тот не ожидал такой бурной реакции. Со вздохом он погладил брата по голове:

— Знаю, что хочешь, но семье сейчас и впрямь не под силу такая ноша. Но ты не бойся, я что-нибудь придумаю, и ты обязательно пойдёшь в школу.

— Не надо мне...

Глухой, прерывистый голос ребёнка донёлся до самого плеча Цинъюя.

— Я лучше буду с тобой рыбу продавать.

Цинъюй хотел было утешить его, но вдруг невольно улыбнулся:

— Рыбу, говоришь? Что ж, этому я могу научить тебя хоть сейчас.

Больше он о школе не спрашивал. Для крестьянской семьи учёба действительно была единственным путём в люди. В этом не было сомнений. Он видел, что мальчик — малый смыслённый, и знал, что второй дядя тоже подумывал о его обучении. Цинцзя исполнилось семь — самое время идти в школу.

Завтра предстояло встать затемно, чтобы начать вылов из пруда, и Цинъюй, решив, что хватит киснуть в четырёх стенах, вышел во двор. Дедушка с бабушкой сидели на крыльце главного дома. Услышав скрип двери, они обернулись.

— Юй-гээр, присядь с нами.

Цинъюй опустился на корточки рядом.

— Спрашивайте, дедушка, бабушка, что хотели.

Госпожа Цзоу с улыбкой погладила его по голове:

— Да о чём спрашивать? Мои слова прежние: как сам решишь, так и будет. Твоя свадьба — твоё дело.

Цинцзя подбежал к деду, устроил Сяо Хуана у него на коленях, а сам притащил маленькую скамеечку и подставил её старшему брату.

Цинъюй ласково потрепал его по щекам:

— Умница мой, я тебе завтра чего-нибудь вкусного куплю.

— Только не сладостей, — вставила госпожа Цзоу, — у него зубы меняются.

— Да он их и видел-то всего пару раз.

Тао Юлян почёсывал щенка за ушами — внутри они были чистыми. Он бережно взял мордочку Сяо Хуана в свои мозолистые ладони и проворчал:

— С собаками этими одна морока, вечно они хиреют да мрут.

Мальчик встал рядом с ним:

— Сяо Хуану холодно, его греть надо.

— Холодно — неси на кухню, пусть у печки греется.

Ребёнок кивнул, подхватил щенка и ушёл. Младшие братья тут же потянулись за ним.

— Завтра рыбу вынимаем, но ты, Юй-гээр, в воду не лезь, — напутствовал Тао Юлян.

— Да ничего со мной не случится.

— Сказано — нельзя, значит, нельзя, — отрезала госпожа Цзоу. — Второй и третий дядя дома, Циншу подмогнёт, а ты завтра знай себе торгуй.

Циньюй, видя их непреклонность, лишь послушно кивнул.

Домашние хлопотали у плиты. Увидев, что дети вернулись к старикам, он пошёл готовить лекарственный отвар. День клонился к закату. Семья рано поужинала, и, согрев ноги в горячей воде, все разошлись по постелям.

В комнате Тао Да.

Фан У скинул верхнюю одежду и прижался холодными руками и ногами к мужу. От Тао Да всегда исходил жар, и зимой рядом с ним было особенно уютно. Младший папочка закрыл глаза и облегчённо выдохнул.

Тао Да прижал супруга поближе к себе, вдыхая тонкий аромат жасмина, исходивший от его кожи.

Фан У поудобнее устроился в объятиях и прошептал:

— Сянгун, мне вечером показалось, что над соседской трубой дымок вьётся.

— Вернулись они.

— Ты их видел?

— Видел.

— А я-то думал, хватит ли у них наглости в глаза людям смотреть. Видать, всё же прячутся, — Фан У лениво зевнул, и голос его стал затихать.

Тао Да вспомнил, как сын велел Циншу увести младших братьев. Почувствовав, что дыхание мужа стало ровным и спокойным, он осторожно прикрыл ладонью его ухо. Зная нрав своего сына, он не сомневался: покой в соседском доме продлится недолго.

С этой мыслью мужчина и сам стал погружаться в сон. Сознание уже начало туманиться, как вдруг из-за стены донеслись истошные крики.

Завопили так, будто привидение увидели — аж мороз по коже. Расслышав сквозь вопли слово «змея», Тао Да лишь покачал головой.

«Надо же, змею поймать не побоялся. Вот смельчак...»

— М-м... Что случилось?

— Ничего, спи, — Тао Да прижал мужа к себе покрепче и подоткнул одеяло.

В соседней комнате.

Тао Циньюй довольно улыбнулся и несколько раз перекувыркнулся на кровати, обнимая одеяло.

«Поделом вам!»

В доме семьи Ю. Четверть часа назад.

Супруги Ю, стараясь не шуметь, наспех поели в темноте и отправились в спальню. Ю Далан снял одежду, откинул край одеяла и сел на кровать, с наслаждением вытягивая ноги.

— В гостях хорошо, а дома лучше.

— Дома, скажешь тоже... Даже ноги не помыл, — ворчала Цинь Лихуа.

Ю Далан отмахнулся:

— Воды никто не принёс, а на улицу ты сама выходить побоялась. Обойдёмся.

Цинь Лихуа разделась и полезла на кровать, по пути едва не наступив на ногу мужу.

— Тоже мне, господин нашёлся. Ногу убрать не мог?

— Хватит уже, весь день зудишь. Не надоело?

— Надоело! Ещё бы не надоело! Если бы не твои дурацкие затеи, разве я решилась бы на такое? Тебе-то что, ты чистенький остался, а я вся в синяках да ссадинах!

Лицо мужчины потемнело от гнева.

— Заткнись!

— А что! И слова сказать нельзя?

Цинь Лихуа с размаху плюхнулась на кровать и натянула одеяло. Хоть голос её и звучал громко, она видела, что муж разозлился, и больше перечить не смела.

«И угораздило же меня за такого никчёмного человека выйти — только дома на бабу и может кричать».

Вдруг она почувствовала, как по ноге скользнуло что-то холодное.

— Не прижимайся ты ко мне! — раздраженно бросила она.

Ю Далан и сам ощутил на бедре чьё-то ледяное прикосновение.

— Да это ты на меня лезешь, — буркнул он.

Он было подумал, что кожа у жены стала на диво гладкой и холодной, как вдруг почувствовал, что ногу что-то крепко обвило. Дурное предчувствие охватило его.

— Змея... змея... — он судорожно схватил жену за руку. Зрачки его сузились, а по спине пробежал холодок.

— Какая ещё змея!

Цинь Лихуа испуганно откинула одеяло, и в ту же секунду из темноты метнулась гибкая черная тень. Она попыталась прикрыться рукой мужа.

И тут оба в один голос истошно завопили:

— ЗМЕЯ!!! ПОМОГИТЕ!!!

Женщина, обезумев от страха, бросила Ю Далана и кинулась к выходу. Но тот и сам был напуган до смерти; змея уже впиалась ему в руку, и он мертвой хваткой вцепился в жену другой рукой. Их истошные вопли всполошили всю округу — в окнах соседних домов начал загораться свет.

Деревенские жители, решив, что в дом забрались воры, похватили что попало под руку и поспешили на помощь. В доме Тао тоже зажгли светильник и открыли дверь — так, для виду. У входа в дом семьи Ю уже стоял староста Цинь с факелом в руке, лицо его было чернее тучи. А изнутри всё неслись и неслись вопли.

Среди глубокой зимней ночи эти крики заставляли сердца сжиматься от ужаса. Цинь Чжуан велел стучать в дверь. Когда ответа не последовало, а мольбы о спасении стали ещё громче, он приказал парням высадить дверь.

Раздался треск — засов не выдержал. Толпа ввалилась внутрь, и свет факелов мгновенно разогнал тьму.

Супруги были целы и невредимы, если не считать мертвенно-бледных лиц и расширенных от ужаса глаз. Муж в одной исподней рубахе замер на кровати, баюкая окровавленную руку, а жена в страхе забилась в самый угол.

— Что стряслось? Белены объелись?!

Увидев спасителей, Цинь Лихуа разрыдалась и, дрожа всем телом, ткнула пальцем в сторону постели:

— Змея! Там змея!

— Да какая там змея?

— Обычный полоз, — хмыкнул один из мужиков, разглядев хвост.

Цинь Чжуан чуть не задохнулся от ярости. Посреди ночи перебудить полдеревни из-за какой-то змеи! У этой семейки Ю точно не все дома!

<http://bllate.org/book/15858/1442169>